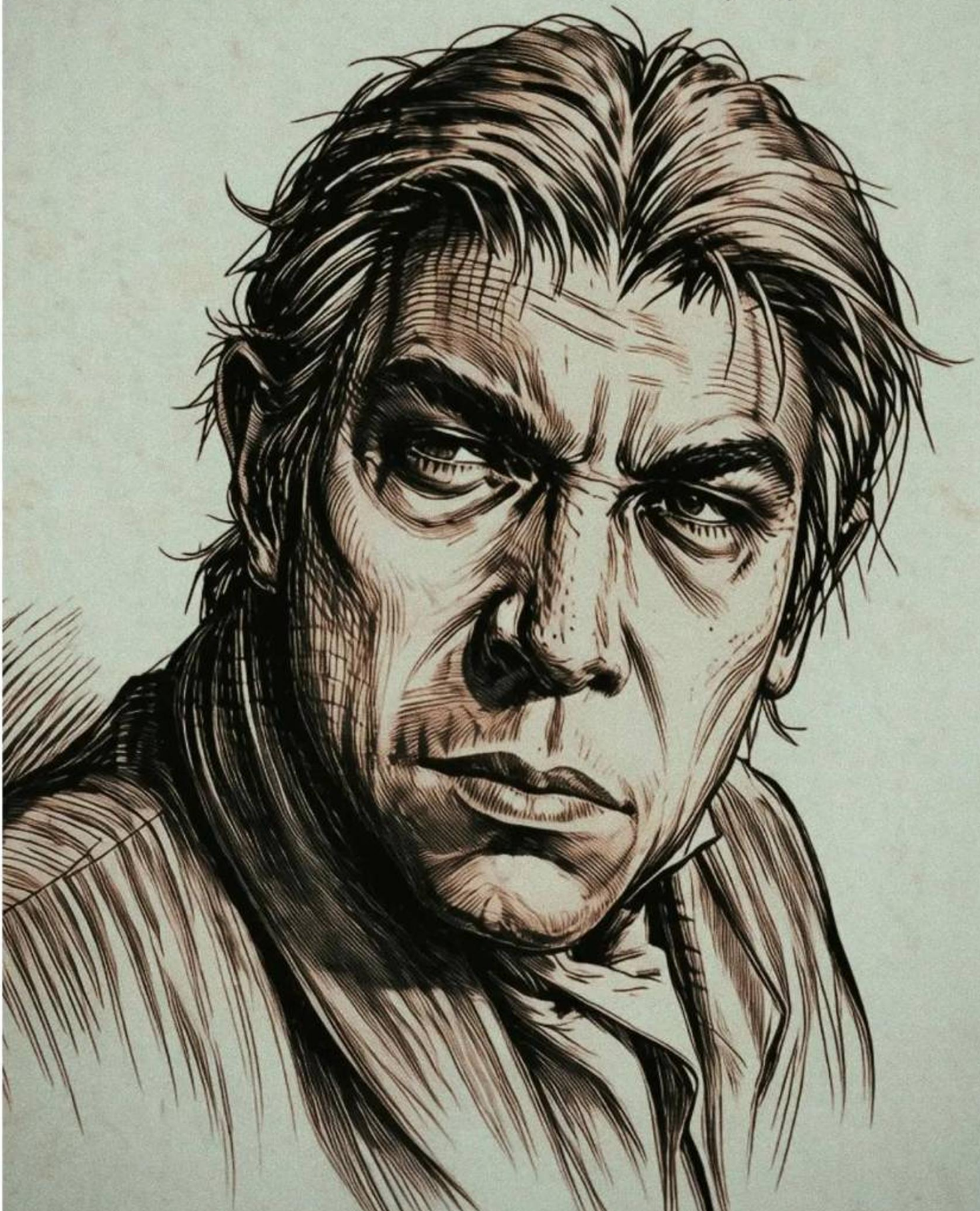
Игорь Николаевич Кончуков

Степан Негодяев



Игорь Крончуков

Степан Негодяев

«Автор»
2026

Крончуков И. Н.

Степан Негодяев / И. Н. Крончуков — «Автор», 2026

Жили-были как тужили верой и правдой служили, как молоды мы были, да найти в себе силы в полной мизантропии, когда все были чужие, как оказалось не нужна искра, когда все шаги на увы, смешно искать добра от зла и не искать зла от доброты.

© Крончуков И. Н., 2026
© Автор, 2026

Игорь Крончуков
Степан Негодяев

****
Модный сюртук на наряде, но уже изношен,
Потрёпан сильно, что было в моде,
Не стиран, не чищен и волосы тоже
Прилипли, как после дождливой погоды
В таком бы прикиде встречать на балу,
Но измотан, стар имея ввиду.
Засалена одежда, не стирана,
За место халата носил он в квартире,
Хоть бы в цирюльню или побрился
В том и спать будто ложился
Будто бы и бе́ды в душе не чая
Шел смело по улице Степан Негодяев.
1
Basta карапузики, кончились танцы
Ишь, персоны какие
Это еще надо постараться
Ворвался с двух ног, жалко, что обе хромые,
А поводы-то какие яркие,
Какие уж есть, принимайте подарки
Да посуду хрустальную убирайте
Ибо, за разбитую потом не ругайте
После первой же, полученной копейки путь у Степана до трактира,
Где же проявить себя нахалу,
Скучно сидеть в квартире,
Любил говаривать персоналу
К таким, как правило, «пришли позже бы»
—Чего мне дома наращивать пролежни?!—
А ему отвечали, пока тот сморкался:
—«Всё правильно, движение-это жизнь».
—Ага, один такой до каркался
И ногу сломал дома полгода сидит такой, вишь—
Ловко это у него получается,
Заработает три копья, а пропьет-пять,
Смело идет займ занимать.
Трактирщик с персоналом оглянулись в недоразумение
Дай бог им здоровья за их терпение.
Они всегда приветливы гостям,
Даже не то, чтобы казаться лучше,
Но заходит господин, прям
Сразу сгущаются тучи
—Ну и где твой корешь Проскурятов? —
Послышался голос позади Степана.
—Ах, да, у тебя ж сегодня не зарплата!
Да и вы чего тут рано?! —

Спрашивал завсегдатый Курносов.
Каждый день он тут матросом
В дальнее плаванье отправляется,
Когда двери открываются.
—Тебе-то чего, Курносов?
Не туда суешь ты носа.
Ты тут живешь как дома, тебе б пора
Монету брать за сторожа, хоть иногда.
Невидимый работник постоянно кутит
И на рабочем месте пьет и курит.
—Ой, кто это у нас тут каламбурит?!
Ты лучше мне скажи, когда долг отдашь?
И не надо про своего кореша Сашу—
Трактирщик нашел случай,
Что записывал на счет Степана.
Брови поднял, затем еще круче,
Но кричать мол рано.
Степан уловил его взгляд,
Тот тоже заметил того думы,
Сразу гримасу сменил так,
Как дураки делают вид будто умные.
Степан повернулся к Курносову с улыбкой
—Что-то вы, сударь, пьяны шибко,
Время еще четвертый час,
А у вас тут полный джаз.
—У меня,Степан, повод хороший,
В семействе у нас пополнение,
За мой счет выпить можешь
И как раз, кстати, потепление—
Поздний апрель, как, никак от души
Пели песни алкаши.
—Появился в нашей семье агрегат—
И тут стал говорить чуть тише.
—Трактор-целое состояние, брат
—Это из каких таких коврижек?
—В начале июля чрезвычайно
Пару лет вроде как нечаянно.
Погода стояла, у брата было дело
Всё наладилось пока чело
Работало на тракторе.
Грамоту даже на доске почета повесили
Не слепой был Иван, не страдал катарактой,
А тут возьми и случись «если бы»
Попал под трактор свой,
По каким таким техническим причинам
И Иван рукастый, золотой,
Оставил мать мою в качестве единственного сына.
Пол колхоза его оплакивало,
Хорошим словом набрякивало.

Так мы потеряли своим семейством
Рукастого, не знавшего прохиндейства,
Колхоз же в свою очередь, дурака включил
И нам агрегат подарил,
Так мы трактор Иваном и назвали,
Баяны порвали, гостей назвали,
Пополнение в семье взамен братца,
А куда теперь тут деваться,
Ездит теперь Иван по полям
Перевоплотился, так скажем, вам,
А мы устроили пир на весь мир,
Хоть и знали, чья была вина,
Не брата вина, что кровь лил,
А колхоза их беда,
Загладили, так скажем, вину.
Ездит трактор, спасибо брату моему—
Произошло движение, публика оживилась,
Знакомое лицо появилось.
Все глядят на то.
—Вспомнишь его вот и оно—
Господин Проскурятов собственной персоной
К ним зайти имел резоны
Корешом Степана он не был,
Проскурятов участковый отмечаться к нему он ходил,
А от тоски и от безделья
Не раз пили, встречали вместе похмелье,
Так и задружились, но толку то от того.
При первой возможности мог посадить его,
Что сказать, тяжелый аркан,
Невероятные мысли.
Религия начинается там,
Где заканчивается здравый смысл.
—Ну что, сударь!-Курносов начал
—Как там ваш следственный комитет?
Посадили уже целую пачку,
Аль еще нет ?
—Да кого там! Ходит Петровна
Вторую неделю во сне словно,
Всё жалуется и жалобы пишет,
У меня законов ищет
Я что пуп-земли ей вообще-
Тыкает пальцем в папье-маше.
Прокурятов вдаль куда-то взглянул
И папиросу глубоко затянул.
—Вот баба без лба
Ходит-ходит с самого утра,
Она алименты за ребенка мужу платит,
Вроде бы благородно, совести не жалей
Так деньги то она тратит,

А ребенок живет с ней
Спрашивается труды такие на кой,
А у бывшего мужа всё на пропой.
Обычно наоборот, алименщики-мужики,
А тут нате, посмотри! —
Степан начал было раздухариться
—Тоже что ли такую дуру найти
Думаю, может, тоже жениться,
А как поем, откуда такие мысли могут взбрести
—Ты, Степан, не забыл
В кружок сходить, куда я просил?! —
Информация была не новенькая
Степану говорил про клуб анонимных алкоголиков,
По решению суда ему было назначено,
За дебошира и пьяницу потрачено.
Степану лень работать бесплатные часы,
Уж лучше посещать кружки,
Где беседы ведут алкаши,
А там хоть как шурши,
Лишь бы пришел, отметку поставили
И сверкай пяткой пока помнили и славили
—Ладно, пора мне-сказал Проскурятов:
«Спасибо за пиво и пару раков».
Повернулся к Степану, ровней дыши.
—Вон на этого запиши! —
Степан сжал в кулак руку
Подло подумал: «Вот с_ка!»
Думал Негодяев исподлобья глядя,
С негодованием, короче говоря,
«Вот тебе и кореш любезный,
Что пищал Курносов.
Да этот мент всем известный
Какие тут могут быть вопросы».
Выпить Степан любил и с охотой
Невзирая, что завтра на работу,
Где еще ему проводить будни между работой и суетой,
И что называется «выходной».
На посошок еще раз бахнул
—Кстати, какая погода так бы ее трахнул—
А потом философия
«Пьяная катастрофия»
—Говоря о планете, которую
Мы явно переросли
Ставя радиоактивные бархаты в ту пору
И жгли бессмысленные костры,
Долгие проводы, долгие слезы
Так уроним же скорей
Человек-это вредитель и плесень на суше, я серьезно.
Избавь от яблока червей,

Из-за нас, сколько не стало флоры,
Сколько не стало фауны,
Редких животных из красных книг томы.
К чему споры и раунды,
Напомню мы-плесень,
Выбравшееся на сушу.
Убрать человека если,
Планете станет лучше,
Напомню, мы-вредитель.
Испоганили природу и озоновый слой,
Пока в деньгах победитель
И климат шел на убой,
А дышать человеку нужно бы,
А человек разрешения у природы не спросит
Хвала тому, кто изобрел ядерное оружие—
С этими словами его уже на руках уносят
И на карету, подано дамы и господа,
И до родного двора.
Там уж его до койки дотащат
Разденут, есть, кому и портки стащат.
Там и Нюрка, местная кухарка,
Конкурентка ее Клавка-доярка
Сторож Евлампий Чижиков-сосед,
Но не встречать Стёпе обед.
С утра работ невпроворот,
Середина недели-шире рот.
Работал Степан Негодяев в котельной
Показания счетчиков снимал
Не бей лежачего работа, бездельник,
Как перекинуть свою работу на другого знал.
Повезло Степе, в смене четыре человека,
Не как вон в соседних,
Где в туалет зайти времени нет
Жужжали на давеча в намедни.
Веселый коллектив, но репутация сгублена,
И тут его никто недолюбливал,
Не любит народ, тех, кто хочет проехаться,
Причем так ярко выражено,
Не скрывая и со смехом вериться,
Не один месяц знают, годами выдержано
И забили, что есть, то есть.
Пить есть, не просит,
Ни кому не мешает, на том и честь
И без лишних вопросов.
Витька, Колька и его тёска
Любители в ночь пошевелить мозги,
А один такой, литератор,
Две книги за жизнь прочитал
Выступил, оратор

Длинный рассказ он начал.
—О, нравы, эти нравы, каков их поединок?!
Как над синематографом смеялись,
Как смешны теперь причины,
Из-за чего Лермонтов и Пушкин тогда стрелялись,
За прочтённый стих милой даме,
Она душевно скажет: «Спасибо»,
И сердце вмиг, словом украл ты,
И совсем не липа,
А теперь ныне в наше время этой дуре прочти,
Скажет: «Блин ты задолбал.
Всё, трубки ложи,
И пяткой сверкал»,
Что испытывал Мартынов,
Что испытывал Дантес,
От гордости ли шептал свое он имя,
Или грудь до гроба сдавил им бес—
Степа не выдержал сломался.
—Ты бы, Коляша, постеснялся,
Кому твои стихи нужны,
Их интересуют пятаки.
Давай сейчас за духовность и душа
Ты-слесарь, за душою ни гроша,
Вот был бы ты миллионер,
Хоть в репертуаре на балалайке сэр,
А пока ты соскребаешь
Грязь из-под ногтей,
Не ты в натуре угораешь,
Лучше сходи, налей.
—Света не найти, где темно,
С пустых тарелок не кушать,
Говорить громко легко,
Научись молчать, тогда тебя начнут слушать.
—Эдакий, Степан, недалекий-Витя говорит:
«От слов избавь».
—Хоть горшком назови,
Только в печку не ставь—
Даже если Степан и верно говорит
И правильно порой сказать может,
Никто за его сторону не встанет, не поглядит
И было ли это возможно.
Предвзятое отношение
И горсти правды не сыщет,
А коли есть терпение
Вот и шуруй верст «тыщу»,
Что сказать, сам виноват,
Таким социальным поведением перед коллективом,
Если ты сам себе не друг, а враг,
В свою же яму упал, а там мина,

И все ранения от нее
Казалось, Степана не особо заботили.
Не исправлял он то всё,
Чем уж загажены угодья
Упрямство ли это нашего героя
Делать себе же в результате, во вред?!
Всегда вперед и стоя,
Всегда «за», никак «нет».
Витек тихо покашливал
—Тебя Степа никто не спрашивал—
Все хором, разумеется, засвистели,
Поддали немного, песни запели,
Степа напоследок хотел изъяснить
—Не сочтите за грубость,
Слабость человеку можно простить,
Но не глупость—
Отработав смену, замазав чекушку,
За сарайчиком втихушку,
Хотел было счастливый домой пойти,
Но никак, увы,
В клуб анонимных товарищей
Не есть ребята борщей,
А чинно, благородно чай с печеньками
Разбор вести с переоценками.
—Тьфу ты, не минуты покоя—
Шел вслух от народа не скроя,
Он часто сам с собой говорил
И всю свою дорогу бранил,
То товарищей по работе,
То вспомнит о школоте,
То еще в какой заботе
Полмира сейчас в икоте.
Деваться было некуда,
Придется идти,
А иначе, покуда
Не снести головы.
В жизни, наверно, Степан
Так много не зевал,
От чего даже челюсть свело,
Когда посетил то село,
Где находился клуб для алкашей,
Кто смог сыскать себе идей,
Похвастаться, кто, сколько не пьет,
Но и за одним продать мед.
С пасеке тут и родне
По спекулятивной цене.
Расселись все в круг, как в кино
Тут значит, люд и понесло.
Один говорит, месяц не пьет,

Только скривил рожи,
Далеко знать пойдет,
Все хлопают в ладоши.
Второй баллады слагает,
Как многое в жизни теряет,
Мол, не ту исполняет роль,
Всему виной алкоголь
И главное не сам виноват – нет.
Перед таким чудом волшебством, человек
Слаб и не может сражаться,
И горем далее своим упиваться.
Третий в слезы курьёзы,
Мол, от такой метаморфозы
К соседу от него ушла жена.
На заречной улице беда,
Наставник же сея события
Говорит, тут значит вот:
«У нас новое прибытие
В рядах появился новичок!».
Все глядят на Степана с досадой
Его бы похвалить надо
Мол, нашел он смелости
Оставить дома ереси.
—Стыд и срам, вас слушать,
От такого вянут уши.
Нахватали с Америк и Европ
Моды и пова́док у господ,
Загнивающий запад еще при Петре,
В их синематографе паршивом
Понабрались, чего нет у нас в душе
И записали в местное чтиво
Вы на кого ровняетесь, собираете пазлы.
Вам кто такой авторитет дал,
В одном кадре ребенка показывают
В следующим мужской причиндал,
А главное, что ребята, главное

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.